

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

9'95

редактора
комменти
ди

СВЕТИЛЬНИКИ ВЕРЫ

НАСТОЯТЕЛЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ АРХИМАНДРИТ ВЕНИАМИН

Вячеслав СТОЛЯРОВ

Осенью ¹⁹²⁰1995 года исполняется семьдесят ^{пять}лет с момента упразднения советской властью соловецкого первоклассного ставропигиального монастыря. Но совпадает этот печальный день с радостной для православных жителей России датой — празднованием пятилетия со дня возобновления деятельности Соловецкой Спасо-Преображенской обители. В связи с этим мы вспоминаем и поминаем архимандрита Вениамина, последнего в череде настоятелей соловецких с XV века по 1920 год, мученически погибшего в 1928 году.

Архимандрит Вениамин (Василий Васильевич Кононов) происходил из крестьян Шенкурского уезда Архангельской губернии, родился в 1869 году. Получил домашнее образование. В 1893 году в возрасте 24 лет принят в Соловецкий монастырь трудником, в 1897 году определен в число послушников. В течение шести лет проходил череду послушаний — старостой в хлебопекарне, заведующим расходческой лавкой. Окончил в это время шесть классов Соловецкого братского училища. «Очень благонравен, послушен и верен, с большими задатками к внутреннему самоуг-

лублению и духовной деятельности»¹ — из характеристики 1898 года. Таких похвал в послужных списках редко кто достаивался².

В 1903 году тридцатичетырехлетний послушник был пострижен в монахи, через два года рукоположен в сан иеродиакона, а в 1908 году — в сан иеромонаха. Состоял законоучителем братского училища, представником при святых мощах преподобных Зосимы и Савватия, исполнял череду богослужений. Характеризуется как «примерный инок во всех отношениях, отличных нравственных качеств»³.

В декабре 1909 года умирает духовник монастыря, престарелый иеромонах Дамаскин, и вскоре на общем собрании старшей братии закрытым голосованием (шестьюдесятью голосами из восьмидесяти) иеромонах Вениамин избирается новым духовником монастыря. Было ему тогда чуть больше сорока лет⁴.

В октябре 1912 года, после девятнадцатилетнего пребывания в Соловецком монастыре, инок Вениамин назначается на должность настоятеля Антониево-Сийского монастыря с возведением в сан архимандрита. В 1913 году награжден наперсным крестом от

Священного Синода, в 1916 — орденом Св. Анны третьей степени. Архимандрит Вениамин управлял Антониево-Сийским монастырем шесть лет⁵.

Российское государство в этот период сотрясали нестроения, завершившиеся революцией 1917 года. Нестроения эти проявлялись и в монастырской жизни. В Соловецкой обители насельники писали доносы в Синод на настоятеля, архимандрита Иоанникия, обвиняя его в растратах и даже в убийстве. Хотя обвинения эти не подтвердились, учитывая преклонный возраст Иоанникия и обстановку в монастыре, Синод принял решение отправить настоятеля в отставку. Новым настоятелем в августе 1918 года был выбран архимандрит Вениамин⁶. В трудное время вернулся он в родной монастырь!

Шла братоубийственная гражданская война. Хотя Соловки находились в глубоком тылу Северной области, соединенные белогвардейские силы которой пытались отразить натиск Красной Армии, сюда доходили известия о событиях в прифронтовых территориях: «Что делается теперь в России?.. Грабят церкви, грабят монастыри, грабят богатых, грабят даже бедных, если у них имеется лишняя корова... А потом с награбленным идут... не стесняясь и ничего не стыдясь, рядом в свою деревню — до следующего грабежа... Такой социализм дикарей скоро выродится в коммуны, от которой до людоедства останется один шаг», — писал в конце 1917 года уфимский епископ Андрей⁷.

В Архангельской губернии были разграблены Кожеезерский, Шенкурский и Крестный монастыри, священники подвергались пыткам. В Пинежском крае был убит и разрублен на куски священник Михаил Шангин; шестидесятилетнего старца, священника Иосифа Распутина, привязали к телеграфному столбу, убили залпом, тело бросили собакам; в Печерском крае протоиерея Аифала Суровцева в течение десяти дней нещадно били, постепенно обрезали нос и уши, вырезали язык, расстреляли, а тело бросили в реку^{8,9}.

26 октября 1918 года Патриарх Тихон был вынужден обратиться с увещанием к советской власти: «...Целый год держите в руках своих государственную власть и уже собираетесь праздновать годовщину октябрьской революции. Но реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по

вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды.

...Вы разделили весь народ на враждующие между собой станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции...

Не наше дело судить о земной власти, всякая власть от Бога допущенная, привлекла бы на себя Наше благословение, если бы она воистину явилась

«Божиим слугой» на благо подчиненных и была «страшная не для добрых дел, а для злых» (Рим. 13, 4).

Ныне же к вам, употребляющим власть на преследование ближних, истребление невинных, постираем Мы Наше слово увещания: отпразднуйте годовщину своего пребывания у власти освобождением заключенных, прекращением кровопролития, насилия, разорения, стеснения веры; обратитесь не к разрушению, а к устройению порядка и законности, дайте народу желанный и заслуженный им отдых от междуусобной брани. А иначе взыщется от вас всякая кровь праведная, вами проливаемая (Лк. 11, 51), и от меча погибнете сами вы, взявшие меч (Мф. 26, 52)¹⁰. Слова Святейшего оказались пророческими...

Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Вениамин

На довольно короткий период, пока территория Северной области удерживалась белогвардейцами, Соловецкий монастырь получил передышку и избежал общей участи. Архимандриту Вениамину удалось восстановить внутренний порядок, монахи-бунтовщики покинули архипелаг.

Вот заметки одного из паломников, посетившего Соловки летом 1919 года: «...Приветливы лица монашествующих, радушие и гостеприимство их говорят о мирной тихой работе во имя Творца и любви к ближнему и заставляют хоть на время забыть весь гнетущий ужас классовой борьбы, где люди, забыв совесть и правду, готовы перегрызть друг другу глотки.

Ведь перед вами многовековая коммуна, но какая колоссальная разница между ее работой и работой коммуны той, зафронтной. Здесь терпеливая созидательная, культурная работа на голом камне, там — полное разрушение всего прежде созданного в крат-

чайший срок. Здесь призыв к смирению, труду и любви, там разбойный клич «сарынь на кичку» и «грабь награбленное». Да, многому могут здесь научиться наши господа коммунисты и социалисты.

Стоя много веков на страже государственных и народных интересов, монастырю придется и впредь играть немалую роль в охране тех же интересов... Ему придется выступать в роли активного созидателя в двух хотя противоположных, но важных полях деятельности; первое — это придется будить уснувшую совесть русского человека, так как оружием еще не завершится победа над психической заразой, посетившей страну, а второе — это посильная помощь в воссоздании вконец загубленного народного сельского хозяйства...

Для военных нужд у монастыря частью уже взяты, а теперь вновь берутся молодые рабочие силы — бывших при монастыре в качестве ли годовиков, пришедших поработать в монастырь по обету, или в качестве послушников. Оставшиеся в монастыре монахи в большинстве своем люди весьма преклонного возраста»¹¹.

21 февраля 1920 года Красная Армия взяла Архангельск. Еще в 1918 году Совет Народных Комиссаров принял Декрет о свободе совести и отделении церкви от государства, основной, 12 пункт которого гласил: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют. Все имущество существующих в России церковных и религиозных обществ объявляется народным достоянием».

Оценка вышедшего государственного акта содержалась в Постановлении Церковного собора 1918 года: «Под видом отобрания церковных имуществ... декрет стремится уничтожить саму возможность богопочитания и богослужения. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ являются согласно декрету «народным достоянием». Тем самым православные храмы и монастырские обители, где покоятся почитаемые всеми православными мощи святых, становятся общей собственностью всех граждан, без различия вероисповедания христиан, евреев, магометан и язычников... Самые священные предметы поступают в распоряжение государственной власти...

Пусть же постигнет православный народ, что его хотят лишить храмов Божьих с их святынями. Раз уничтожается всякая собственность церкви, нельзя и жертвовать чего-либо в ее пользу... Содержанье монастырей, церквей и духовенства становится тем самым невозможным... Изданный СНК декрет... — злостное покушение на весь строй жизни православной церкви... Всякое участие... в попытках привести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной церкви»¹². Соборное постановление обязывало архимандрита Вениамина и братию монастыря к сохранению, укрытию соловецких святынь, ценностей и имущества от большевиков.

Месяц спустя после взятия Архангельска, 29 апреля 1920 года, на Соловки прибыла Особая комиссия губревкома, начались обыски и ограбление монастыря, вывоз ценностей, которые удалось обнаружить, оружия, оставленного англичанами, запасов продовольствия. Архимандрит Вениамин пытается

отстоять хотя бы жизненно необходимую для обители часть имущества: «Всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет обратить внимание на Соловецкую обитель и не дать братству погибнуть зимою с голоду, потому что, если не достанет хлеба хотя бы на пятнадцать дней, — все мы должны будем помереть с голоду на диком, суровом морском острове.

Монастырю необходимо иметь годовой запас продовольствия, а вследствие сего долгом считаю просить комитет оставить в монастыре ту годовую норму, которая полагается на братию монастыря в количестве 430 человек, а также на парходную команду, которая живет в монастыре осенью до пятнадцати дней и весной два месяца в период подготовки к навигации в количестве до сорока человек... а также для зверопромышленников-поморов, пристающих к Соловецким островам из-за льдов и непогоды, и других лиц, мною не предусмотренных, но известных начальству» (в число лиц, «известных начальству», уже в первой половине 1920 года входили заключенные Соловецкого лагеря принудработ).

«Часть продуктов... вывезена из монастыря и скитов в общий деревянный амбар за монастырем, который в настоящее время находится в заведывании политкомиссара С.Абакумова.

А потому, чтобы не остаться на зиму совершенно без хлеба, вследствие могущих последовать новых распоряжений о вывозе хлебных продуктов с Соловецких островов, еще раз всепокорнейше прошу Кемский уездный продовольственный комитет оставить... годовую норму на братию монастыря и разрешить для большей сохранности и безопасности перевезти... в каменную кладовую.

20 июля 1920 года.

Настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Вениамин с братиею».

К лету 1920 года на Соловках еще оставался монастырь, руководимый архимандритом Вениамином, часть хозяйства монастыря отошла к совхозу, которым заведовал назначенный Кемским уездным советом Алексеев, здесь же размещался и лагерь принудработ Архангельского ГУО¹⁴... Находились на архипелаге и уполномоченные других советских организаций, которые лихорадочно спорили между собой, пытаясь захватить контроль над территорией и соловецкими ценностями.

В такой обстановке архимандрит Вениамин был лишним — мешал новым хозяевам, слишком много знал и видел... Он и его ближайший помощник, перомонах Никифор, были арестованы по обвинению в сокрытии монастырских ценностей и хранении оружия, а затем сосланы на принудительные работы в город Холмогоры¹⁵.

Иеромонах Никифор (Николай Иванович Кучин) — уроженец Сольвычегодского уезда Северодвинской губернии, отставной унтер-офицер, поступил в Соловецкий монастырь в 1909 году, определен в число монашествующих в 1913. Окончил пять классов братского училища, проходил послушание в качестве заведующего рухлядной палаткой, активно помогал архимандриту Вениамину в спасении (укрытии) от разграбления монастырских ценностей¹⁶.

После отбытия принудительных работ, летом

1922 года архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор переехали из Холмогор в Архангельск, на Соловецкое подворье, а затем по 17 июня 1926 года проживали у архангелогородского фармацевта Александра Алексеевича Левичева. Православный хозяин денег за жилье с монахов не брал, жили они на пожертвования, присылаемые духовными детьми архимандрита¹⁵.

Соловецкие монахи искали уединения, спокойствия и места молитв. Соловки к тому времени уже стали всесоюзным концлагерем.

Нужно было устраивать монастырскую жизнь заново. О таких исканиях писал архангелогородский священник И. Ильинский: «...Шли пустынноики в знойные песчаные или каменные угрюмые пустыни востока, или на нашем севере в темные леса-трусщобы, где не только жилья, но и вида человеческого не было, где хотелось им в одиночестве, вдали от грешного мира, послужить Богу. И чудное дело! Этот хлеб, Слово Божие... переполнял он душу одинокого пустынноика, выливался наружу в песнях, славословиях и молитвах; слушателями была безмолвная пустыня, мрачный лес и его обитатели. Но какие-то невидимые провода, без проволоки и аппаратов, переносили эти звуки — и слышал их мир, и откликались благочестивые души, шли на голос пустынноика. Пустынное место становилось жильем, вместо одинокой убогой кельи строились богатые храмы Божии, вместо слабого единичного голоса воссылали хвалу Богу»¹⁷.

По совету бывшего послушника Соловецкого монастыря Степана Антонова летом 1926 года монахи переезжают в село Часовенское Архангельской области к сестре Степана Анне Антоновой и этим же летом сооружают келью в глухом лесу.

Степан Маркелович Антонов, 1891 года рождения, из крестьян Часовенского уезда Архангельской губернии, юношей поступает в Соловецкий монастырь, где проходит послушание, работает кочегаром на монастырском пароходе. После ликвидации монастыря женится, служит ломовым извозчиком в Архангельске, помогает бывшим соловецким монахам.

В конце июня 1928 года на Антонова был послан донос в следственные органы: «Есть сведения, что Антонов имеет много золота, которое им присвоено от монахов, находится теперь на озере за селом Лодьма... Монахи направляли золото из монастыря в Архангельск через Антонова, который работал в это время в одном из святых пароходов. Теперь за это он доставляет монахам (два старика) взамен продукты. Антонов женат на монашке, и они оба ярые противники Советской власти»¹⁹.

У Антонова был произведен обыск по подозрению в скупке золота из монастыря. «При обыске обнаружили 1 серебряный нагрудный крест на серебряной цепочке и 1 медный церковный ковшечек. Все оставлено у Антонова»²⁰.

Пустынная келья монахов — небольшая изба площадью около двадцати квадратных метров с каменной печью посередине — была поставлена (с разрешения властей) в глухом лесу, на расстоянии сорока верст от ближайшего населенного пункта — деревни Коровкинской. Изба стояла на высоком холме у Волкозера, рядом находился небольшой

овощной огород и ледник.

Ценностей у монахов не было — в память о прежнем времени оставались только самовар да кофейник никелированные, еще часы настольные с боем. Кроме того, были в доме предметы кухонного обихода, запас продовольствия и одежды²¹.

Архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор проводили время в молитвах и постоянных трудах — выращивали овощи, ловили рыбу. Была у них и лодка. Недостающие продукты привозил по зимнику из Архангельска Степан Антонов. Людей отшельники почти не видели — в год случайно забредало два-три человека. Изредка их навещали местные православные крестьяне — братья Тимофей, Федор и Матвей Григорьевич Евстифеевы, занимавшиеся в этих местах охотой и рыбной ловлей, относившиеся к монахам с большим почтением.

Относительно недалеко, в двадцати верстах к югу, у Лодмозера, в другой лесной избушке спасались еще два монаха из Соловков — Алипий и Гедеон.

Иеромонах Гедеон (Егор Иванович Антонов) происходил из местных крестьян, родился в 1872 году, в монастырь поступил в 1897-м, вскоре принят в послушники, затем пострижен, в 1908 году посвящен в сан иеродиакона, а затем иеромонаха. «Очень способен к клиросному послушанию»²². В 1925 году вместе с иеромонахом Алипием он был выслен из Соловецкого монастыря и поселился на Лодмозере, в 1926-м заболел и умер в больнице Архангельска²³.

Иеромонах Алипий (Григорий Терентьевич Турьгин), 1876 года рождения, из крестьян Тверской губернии, поступил в Соловецкий монастырь в 1900 году, затем принят в послушники, окончил четыре класса братского училища, проходил обучение и послушание живописное, пострижен в 1907 году, «отличный живописец и чеканщик»²⁴.

Иеромонах Алипий, узнав от местных охотников о том, что рядом поселился его бывший настоятель, начал по праздникам навещать архимандрита Вениамина. Так, в отдалении от мирской суеты, в трудах и общих молитвах прошло почти три года.

Революция и первые годы советской власти подняли с насиженных мест массу народа, появлялись пришлые люди даже в глуши русского севера. Оторванные от дома, обозленные шатуны были готовы на все.

...В 1925 году в деревне Коровкинской поселился Ярыгин Степан Данилович, из крестьян Северодвинской губернии. Ему было 23 года, женат, имел одного ребенка. Был он умственно отсталый, слегка глуховатый. Так он и скитался по чужим углам, не хотел работать, изредка промышлял кражами, дважды был судим²⁵.

Осенью 1927 года в деревне Часовенское появился Владимир Михайлович Иванов, из крестьян Тверской губернии. Это был девятнадцатилетний сирота, окончивший школу-семилетку, воспитанный уже советской властью человек, комсомолец.

Он работал в местном лесхозе бригадиром плотников, затем — лесным обходчиком, женился на местной девушке. «За время работы помогал разоблачать провокаторов из местного населения»²⁶.

От охотников Иванов разузнал дорогу к избушке архимандрита Вениамина и зимой 1927 года отыскал

лесную келью. Монахи встретили непрошеного гостя недружелюбно, но он сослался на общих знакомых, остался ночевать и внимательно осмотрел все их хозяйство. Иванов предполагал, что у архимандрита Вениамина могут храниться сокровища Соловецкого монастыря.

Весной 1928 года Владимир Иванов подговорил Степана Ярыгина идти в лес — грабить монахов. Было это накануне Пасхи²⁷.

Сначала сообщники отправились на Лодозеро и ограбили там избышки-зимовья местных охотников, а также келью иеромонаха Алипия, который остался в живых только потому, что ушел на праздники в сельский храм. Вечером 17 апреля 1928 года Иванов и Ярыгин вышли к Волкозеру. Был вторник Светлой седмицы, день великой праздничной недели Воскресения Христова. Келья иноков долго светилась изнутри, они отправляли праздничную службу.

Когда совсем стемнело и в доме погас свет, Иванов и его сообщник подошли к избышке и начали через окна стрелять в монахов. Стрелял Иванов. Однако ограбить избышку они не смогли: обуял непонятный ужас, они так и не посмели войти в келью. Бандиты зашли только в сени, влезли на чердак, где хранились припасы, подвезенные по зимнику, запасы верхнего и нижнего белья и обуви. Они взяли несколько пар сапог, два дождевика, фуфайку, нижнее белье, носки, брюки, кусок черного брезента, голубой эмалированный чайничек, набор рыболовных крючков, плотницкий инструмент²⁸. Избышку сообщники облили снаружи керосином, найденным на чердаке, и подожгли.

Мученики-иноки были в то время еще живы — на следствии Иванов говорил, что слышал их крики²⁹...

Вернувшись в деревню, Ярыгин и Иванов, не таясь, носили вещи убиенных. Хозяйка Ярыгина, зная, что у него нет денег, интересовалась, откуда это он их взял. Он спокойно ответил, что купил вещи в Архангельске. Не прошло и месяца после убийства, как Иванов поступил на службу в милицию. Похоже, преступники были абсолютно уверены в своей безнаказанности. Это было не удивительно — за грабежи и убийства гражданской войны никто ответственности не понес, ограбление церквей и монастырей тогда поощрялось. Наверное, они считали, что можно смело уничтожать «отсталый» элемент — духовенство³⁰.

9 июня 1928 года Степан Антонов, как обещал, приехал на Волкозеро навестить архимандрита Вениамина, но обнаружил только сгоревшую избу и два обгоревших скелета в ней.

Найти преступников не составило труда. Ярыгин и Иванов, к их удивлению, были арестованы³¹. В ходе следствия Ярыгин почти не заперся. Иванов пытался свалить вину на сообщника, обвинял монахов в контрреволюционной деятельности и хранении оружия, писал доносы на Степана Антонова. Он утверждал, что «убил монахов не с целью грабежа, а с целью мести, так как, будучи у них, узнал, что они шли против Советской власти... Мы всегда должны бороться с такими людьми... Таких людей не будет на свете, которые повергают Советскую власть»³². Суд даже того времени не смог оправдать чудовищную расправу двадцатилетних парней над беспомощными

стариками, приговорив Иванова к десяти годам лишения свободы со строгой изоляцией, Ярыгина — к восьми.

Уместно будет вспомнить здесь слова на Заупокойной службе, совершенной Святейшим Патриархом Тихоном 31 марта 1918 года: «...Бодрствовали, очевидно, над собою те, коих из нашей среды удостоил Господь венца великомученического. Многие из них убиты на своем посту при исполнении своих обязанностей — с крестом в руках...

Но что же мы можем сделать, что можем придумать, к кому нам обратиться с жалобой на эти злодеяния?... Все страшное, что творится сейчас среди нас, без сомнения, попускается Промыслом Божиим за грехи наши. Все совершается не без Его святой воли...

Очевидно и ныне, Он Сам, Всемогущий, увеличивая наше дело благоустроения церковного, возрождает и обновляет Церковь кровию новых священномучеников и мучеников... Смиримся же перед Ним, покоримся Ему, рекшему на все века и всем Своим ученикам «без Мене не можете творити ничесоже»³³.

Сбываются пророчества преподобного Патриарха Тихона, на крови новых великомучеников возрождается православие России, в ряду этих великомучеников — соловецкий архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих.

¹ЦГАДА. Ф.1201, оп.4, д.891, л.256 об., 257.

²ЦГАДА. Ф.1201, оп.4, д.892, л.268.

³ЦГАДА. Ф.1201, оп.4, д.902, л.6 об., 7.

⁴ЦГАДА. Ф.1183, оп.1, д.33, л.1-8.

⁵ЦГАДА. Ф.1196, оп.5, д.1973.

⁶Из воспоминаний Кононова // Соловецкий Вестник. 1993, № 12.

⁷Голос православного епископа // Архангельские епархиальные ведомости. 1917. С.504.

⁸Обращение к мировой конференции // Архангельские епархиальные ведомости. 1919. № 9.

⁹Архангельские епархиальные ведомости. 1919. № 4.

¹⁰Вострышев М. Божий избранник. М., 1990. С.73-79.

¹¹Врублевский К. В Соловках // Русский Север. 29 июня 1919.

¹²Декрет о свободе совести // Архангельские епархиальные ведомости. 15 февраля 1918.

¹³ГА КАССР. Ф.205, оп.1, д.4/76, л.3-5 об.

¹⁴ГААО. Ф.352, оп.1, д.135, л.87, 88, 91, 93.

¹⁵ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.9.

¹⁶ЦГАДА. Ф.1201, оп.4, д.902, л.112 об-113.

¹⁷Ильинский И. Духовенство и народ // Русский Север, 31 июля 1919.

¹⁸ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.4,5,4.

¹⁹ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.54.

²⁰ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.11.

²¹ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.50 об.

²²ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.16.

²³ЦГАДА. Ф.1201, оп.4, д.902, л.52 об-53.

²⁴ЦГАДА. Ф.1201, оп.4, д.902, л.100 об.

²⁵ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.19, 22, 30, 31.

²⁶ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.22 об, 30, 31.

²⁷ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.17 об.

²⁸ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.20-20 об.

²⁹ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.22 об-24 об.

³⁰ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.31-31 об.

³¹ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.4-4 об.

³²ГААО. Ф.149, оп.1, д.831, л.74, 77, 174.

³³Тихон, Патриарх. Новые священномученики // Архангельские епархиальные ведомости. 1918. № 9.